

РЕЦЕНЗИИ

«Vel'ký rusko-slovenský slovník». — Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, I — A—J, 1960, V—XXXII+762 стр.; II—R—O, 1963, V—VII+1009 стр.; III—P, 1965, V—IX+1029 стр.; IV—R—S, 1968, V—VIII+792 стр.; V—T—Я, 1970, V—VIII+789 стр.

1. Большой русско-словацкий словарь (далее — БРСС)¹ явился, несомненно, крупным событием словацкой и чехословацкой русистики. Нынешним потребностям, связанным с широким и всесторонним использованием русских текстов, с переводами из богатейшей русской художественной и публицистической литературы, с работой над русской периодической печатью, и, наконец, целям исследовательским не могли уже отвечать изданные ранее небольшие русско-словацкие словари — ни по объему, ни по способу обработки собранного в них материала. Составители БРСС считают, что их словарем «можно будет пользоваться при чтении и переводах художественной литературы (классической и современной), периодической печати, популярно-научной и политической литературы» (I, стр. VII). И, действительно, БРСС в своей словацкой части предлагает читателю не только надежные эквиваленты, но и богатую их синонимику, используя которую можно найти нужное и притом вполне точное выражение переводимого смысла. Даже так называемые «переводные эквиваленты» авторов, при помощи которых они стараются исчерпывающим способом раскрыть и выразить содержание переводимого слова, как правило, представляют целые ряды стилистически не дифференцированных синонимов. Свидетельствуя, прежде всего, о больших переводных возможностях словарных статей, эти ряды синонимов указывают, во-первых, на то, что словарь рассчитан на читателя, вполне владеющего словацким языком, и, во-вторых, на то, что это словарь с установкой на анализ тек-

ста, где окружение слова подскажет правильный выбор эквивалента из синонимического ряда. Отличное знание авторами русского языка и высококвалифицированный словацко-русский состав редакции обеспечили в словаре адекватный перевод текстового материала и отдельных слов. В этом отношении БРСС представляет собой вполне надежный источник информации (отдельные случаи спорных переводов или неудачно подобранных синонимов общей картины надежности словаря не меняют)².

2. Об объеме БРСС и количестве инвентаризированного лексического материала нигде прямо не говорится, но об этом можно судить косвенно по источникам словаря, перечисленным в каждом томе, а отчасти по тем примерам употребления слов (т. е. по так называемым экземплификациям), которые иногда представляют части цитат из толковых словарей, главным образом семнадцатитомного словаря (ССРЛЯ). В предисловии к I тому БРСС только сказано, что «словарь содержит в основном словарный запас современного русского языка, как его представляют существующие русские толковые словари и как он засвидетельствован нашей собственной картотекой» (I, стр. VI). Имеются в виду все известные толковые словари последнего тридцатилетия, которые отражают лексику 40-х и отчасти 50-х годов: Д. Н. Ушакова (1935—1940), «Словарь русского языка» (М., I — 1957, II — 1958, III — 1959, IV — 1961), одностомник С. И. Ожегова (2-е изд., 1952) и семнадцатитомный ССРЛЯ (1950—1965), пять томов которого были в распоряжении авторов первого тома, а дальнейшие его выпуски всегда предшествовали обработке соответствующей буквы БРСС. В этом отношении ситуация для построения словаря на принятых составителями основаниях была вполне благоприятна. К этому надо, конечно, добавить, что в их распоря-

¹ Составителями БРСС являются М. Филкусова, Е. Кучерова, В. Доротьякова-Лапарова, О. Маликова, Е. Секанинова. Ведущую редакцию БРСС осуществляли Л. Дюрович, Й. Ференчик, Й. Горечкий, для II тома — также Д. Коллар, для III — V томов — также Д. Коллар и Е. П. Васильева. Русскую часть I тома редактировал Н. А. Кондрашов, II и остальных томов — Е. П. Васильева.

² По просьбе редакции автор сократил рецензию в основном за счет иллюстративного материала.

жении в начале работы было четыре, а затем и все шесть томов Большого русско-чешского словаря. При таких условиях собственная картотека должна была иметь скорее контрольный и, так сказать, освежающий характер.

3. Общепризнанным является принцип двуязычных словарей, по которому они должны создаваться на базе сопоставления двух лексических систем, планы содержания и планы выражения которых не совпадают даже в близкородственных языках и часто как раз в наиболее древних тематических пластах (ср., например, фразеологию и словосочетания таких старых славянских слов, как *голова*, *нога*, *рука*, *ходить*, *нести*, *слепой*, *черный* и т. п. в близкородственных языках). Поэтому основная задача при разработке словарной статьи состоит в том, чтобы путем разных приемов анализа и сопоставления раскрыть семантическую структуру слова входного языка, вскрыть компоненты этой структуры в их соотношении и особенностях функционирования в речи, а затем выразить все это средствами выходного языка, т. е. его эквивалентами. В словаре академического типа эти операции должна обеспечить богатая картотека выборки из рационально подобранных текстов, причем желательно, чтобы и сама экспертиза для двуязычного словаря проводилась бы в сопоставительном плане: тогда удастся гораздо полнее зарегистрировать всю речевую идиоматику в использовании слов входного языка. Вот почему толковые словари, раскрывающие содержательный план языка приемами внутреннего семантического анализа, вне сопоставления с данными другого языка, не могут быть единственными источниками для больших двуязычных словарей, хотя они своими примерами на употребление слова, стилистической его квалификацией и разными пометами представляют, конечно, богатейший материал для сопоставительных наблюдений и — что самое важное — ориентируют своими «значениями» в сложной семантической структуре слова, расчлняя ее на легко обозримые области использования. Так, в словарной статье даются разные «значения» — денотативные и сигнификативные, прямые и «переносные», фразеологические, терминологические, сдвинутые значения в пословицах и поговорках; правда, такая классификация «значений» проводится, как правило, с нарушением логического требования о *principium divisionis*. В сочетании со специальной дополнительной экспертизой в сопоставительном плане это обеспечивает общий успех семантического анализа слова в двуязычном словаре, т. е. помогает установить в его содержании отдельные компоненты, определяет их взаимное соотношение в структуре слова и, наконец, иллюстрирует способы их речевого ис-

пользования. Остается найти для выражения результатов проведенного семантического анализа адекватные средства синтеза в выходном языке. Здесь может быть два решения, именно: 1) сохраняя семантическую структуру слова, как она сложилась в системе входного языка, со всеми ее особенностями, найти в выходном языке средства для ее выражения, или 2) став на точку зрения языкового сознания носителя выходного языка, передать все вскрытые анализом «молекулы смысла» и особенности их использования независимо от тех соотношений, которые сложились между ними во входном языке. Авторы БРСС стоят на второй точке зрения и при помощи так называемого «переводного эквивалента» (*prekladový ekvivalent*, далее — ПЭ) членят слово словарной статьи на «переводимые значения» (на «*prekladové významy*»), которые «должны показать, скольким несинонимическим номинативным единицам и в каком размере отвечает исходное слово независимо от числа значений, приводимых в толковом словаре» (издательская аннотация на суперобложке II т.). Таким образом, семантическая структура слова входного языка как бы растворяется в ПЭ выходного языка. Само по себе это, возможно, и не помогает практическим целям перевода, но возникает сомнения в ценности этого приема для изучения «лексикологических и грамматических вопросов русского и словацкого языка» (о чем говорится в издательской аннотации), тем более, что это назначение словаря прежде всего (*predovšetkým*) особо подчеркивается в аннотации указанием на то, что БРСС «словарный состав русского языка рассматривает и сопоставляет со словарным составом словацкого языка». Количество «переводных значений» у слов со сложной семантической структурой иногда очень велико. Так, например, у непереходного глагола *ходить* (V, стр. 506—508) через распространение его разными обстоятельствами и сопоставление вскрыто 39 ПЭ вместо 14 значений ССРЛЯ, 17 значений «Словаря русского языка» и 21 значение в словаре Ушакова, причем у 18 эквивалентно БРСС имеются в скобках уточняющие слова (о *dopravných prostředcích*, о *rybách*, о *vlakoch*, о *lodiach* и т. п.). ПЭ в структуре словарной статьи *ходить* семантически все, так сказать, имеют одинаковый объем, соотношения между ними неясны. В результате семантическая перспектива в структуре переводимого слова оказалась снята; поэтому, например, первое переводное значение «*chodit*» (быстро, в ногу, на цыпочках, с палкой, по комнате и т. п.) представлено таким же, как «4. *tancovať*», хотя это четвертое значение берется из выражений *ходить хораводом*, *в хораводе*, а приведенный «минимальный контекст» к этому значению *все уже выбились из*

сил, а он все ходит не дает никаких оснований переводить *ходит* как «*tančije*». В качестве 12-го «переводного значения» дается «(o lodiach, pltiach) chodiť, plávať, plaviť sa: не *х. больше нашему танкеру...*», а 13-е почти точно совпадает с предыдущим «*plaviť sa: х. в море*»; ср. также 10-е «переводное значение» «(o rybách) plávať, pohybovať sa: в прозрачной воде стайками *х-или* рыбки...» или 15-е — «(o nebeských telesách ap.) plávať, pohybovať sa: *месяц х-ил по небу...*». Таким образом, выходит, что разница здесь не в «переводных значениях» а в скобочных характеристиках. Приведенные примеры дают представление о том, как ПЭ относятся к семантической структуре анализируемого слова, а также о том, насколько соотносительны ПЭ между собой. В разбираемой словарной статье все ПЭ, кроме первого, определяются теми распространителями (актантами), которые видоизменяют инвариантное значение глагола *ходить* «*chodiť, pohybovať sa*»; только в одном из приведенных тридцати девяти значение этого глагола автосемантически и в этом смысле является стержневым в структуре глагола, противостоя всем другим ПЭ. В самом деле: *ходить* (на пароходе) — *plávať sa*, (о струйках дыма) *pohybovať sa*, (о запахе) *vlňovite sa šírť*, (о холере) *zúriť*, (о часах) *ísť* и т. п. Эти ПЭ в БРСС построены на основе соответствующих примеров ССРЛЯ (см. т. 17, стлб. 283, цитаты из Достоевского, Чехова, Павленко); количество случаев употребления глагола *ходить* в связи с его разнообразными распространителями можно было бы значительно увеличить, вместе с чем, безусловно, возросло бы и число ПЭ. Из ССРЛЯ можно было бы взять, например, *х. на вёслах* (ССРЛЯ, т. 17, стлб. 279), *х. под парусами* (там же), *кружи х-или перед глазами* (стлб. 281), *х. щеткой по сапогу* (стлб. 282), *х. в списках, в рукописи, х-или предания, бока лошади ходят* (стлб. 285), *связки сухожилий х-или у него под скулами* (там же), *винтовка х-ила у него в руках* (стлб. 286) и т. д. — без особой надежды исчерпать все разнообразие случаев уточнения, а значит, и семантической модификации глагола *ходить*.

Встает вопрос, чему же целесообразнее отдать предпочтение — общей инвариантной характеристике «значений», как они сложились во входном языке, с известной детализацией их употребления на основе сопоставительного анализа, или же исчислению всех случаев применения ПЭ? По мысли авторов, ПЭ должны показывать, «*скольким не с п и н о н и м и ч е с к и м* (разрядка наша. — Л. К.) номинативным единицам... отвечает исходное слово» входного языка (издат. аннотация). В действительности ПЭ редко дается без синонимов, причем иногда такой синонимический ряд насчитывает

больше пяти синонимов. Из 22 ПЭ для *разбивать* (IV, стр. 13—14) синонимов не имеют только три (1, 12 и 21-е), для *ходить* из 39 ПЭ — только 15 без синонимов, для *переходить* (III, стр. 195) из 11 только один без синонимов, причем у девяти ПЭ этого глагола находим «*prechádzať*» рядом с одним или двумя синонимами.

Мы задержались на вопросе о ПЭ потому, что БРСС, построенный на принципе переводных значений, признается за «произведение в известном смысле основополагающее как со стороны теоретической (ПЭ), так и практической...» (издат. аннотация). Этот принцип проявляется, правда, главным образом в больших словарных статьях БРСС, при разработке слов со сложной семантической структурой. В других случаях применение ПЭ почти не замечается, и громадное большинство статей БРСС напоминает обычные словарные статьи традиционных двуязычных словарей; случаи использования принципа ПЭ вне области глагола редки, но все же встречаются.

Синонимические эквиваленты часто приводятся без стилистических помет и без какого-либо уточняющего различия. Например, для слова *деяние* (I, стр. 434) даны «*čin, skutok*», а за пометой *práv.* приведены экзemplификации: *ненаказуемое д. «beztrésny čin»; преступное д. «zločin»*. Между тем, для слова *дело* (I, стр. 420—422) дано 13 ПЭ и как третий из них — тоже «*čin, skutok*». Возникает вопрос, как на основании таких ПЭ перевести строку из стихотворения Евг. Евтушенко: *Я жить хотел быстрее всех. Я жаждал дел, а не деяний*.

4. Для уточнения ПЭ и прилизительного определения сферы его употребления используются, как и обычно в словарях, распространяющие или уточняющие слова в скобках. В БРСС эти слова даны в языке перевода, например, для *заваривать* «1. *zalievať (čaj); zavárať (kávu)*» (I, стр. 539) — в данном случае, правда, это скорее нужно было бы русскому читателю для того, чтобы выразить по-словацки понятие «заваривать» (т. е. перевести смысл в слово), тогда как слова, встретив в тексте соответствующее сочетание, сам решит, какой из эквивалентов подходит. Во многих других подобных случаях в синонимических рядах дифференциация не проводится. Уточняющие слова иногда помещаются перед ПЭ [например, для *кремневый* (II, стр. 136) в 4-м ПЭ «(o zbraniach) *kresadlový, kresací*»], иногда — после ПЭ [например, для *скобка* (IV, стр. 459) в 7-м ПЭ «*zastar klepadlo (na dverách)*»], наконец, перед и после эквивалента [*сажалыщик* (IV, стр. 286) во 2-м ПЭ «(*zabotník sádzač (téhoľ ap.)*»]. Остается неясным принцип использования таких уточнений, особенно когда в словаре не приводятся подтверждающие цитаты и вместе с тем в

составе ПЭ избыликут очень важные синонимы без всякой дифференциации.

5. В словарной статье, как и обычно, указывается, к какой части речи принадлежит слово, а также некоторые особенности его грамматических форм, ударения, глагольного управления, синтагматические возможности. В этом отношении образцовыми являются, например, статьи *кровь* (II, стр. 145) или *стол* (IV, стр. 712). Однако в подобной разработке статей можно отметить некоторую непоследовательность. К примеру, для *корабль* (II, стр. 108) дано восемь именных словосочетаний и ни одного сочетания на употребление этого слова в объектно-адвербиальных позициях (*сесть на к., сойти с к-я, плыть на к.*). Для слова *набат* (II, стр. 361) не приводится сочетаний, хотя оно встречается обычно в сочетании *ударить в набат*.

6. Некоторая непоследовательность наблюдается в разработке отглагольных существительных. Иногда при существительном повторяются те же значения, какие даны для глагола, ср., например, *отмирать* (II, стр. 925) и *отмирание*; в иных случаях для существительного дается только одно из глагольных значений: *глушение* (I, стр. 358) с одним эквивалентом, а *глушить* — с пятью; *пригибание* — с одним, а *пригибать* — с тремя (II, стр. 727) и т. п. Ввиду того, что при образовании deverбатов в русском языке семантическая последовательность не всегда наблюдается, вопрос о подаче их в словаре заслуживает серьезного внимания.

7. Хотя в разделе предисловия к БРСС «Обработка отдельных частей речи» специально говорится о подаче наречий и предлогов (I, стр. XX), однако разработка соответствующих статей оставляет желать лучшего.

Обработка предлогов в двуязычном словаре представляет собой трудный и ответственный участок лексикографической работы. Эта лексическая категория с ее, казалось бы, чисто грамматическим, служебным, характером может быть описана исчерпывающе только в словаре, поскольку реализация грамматической функции предлога теснейшим образом связана с теми существительными, с которыми предлог выступает. Мы говорим об объектной, временной, причинной, пространственной и т. п. функциях предлога, поскольку такова семантика тех существительных, с которыми тот или иной предлог выступает. На долю его общей, системной, характеристики остается немного — это связь предлога с определенными падежами или уточнение управления определенных глаголов. Встает вопрос, где лучше вскрыть эти основные особенности предлогов — в статьях о них или в статьях о тех существительных, с которыми предлоги составляют объектные или адвербиальные сочетания.

При втором подходе часть таких случаев представляла бы уточнения глагольного управления (ср. *наступать на..., встречаться с..., думать о...*).

Хотя авторы словаря стоят на традиционной точке зрения «значения» предлога, все же вопрос о распределении предложных сочетаний между статьями, посвященными предлогам, и статьями с существительными, не решен окончательно, так что неясно, где следует искать в словаре значения таких сочетаний, как *по части, по болезни, в неведении, из-под куста, с началом, за работой* и т. п. Только в статье *по* (III, стр. 265) перечислены случаи употребления этого предлога в составе различных сочетаний, сложных предлогов и т. п. Нам кажется, что при общей «переводческой» установке словаря такая структура статьи о предлоге не дает почти ничего, и вряд ли читатель, наткнувшись на знакомое слово с предлогом, будет искать значение предложного сочетания по предлогу. В этом отношении неудачна подача для следующих примеров: *в грязи* — есть у *в*, нет под *грязь*; *в дождь* — есть у *в*, нет под *дождь*; *на именины* нет под *именины*; *работает на газе, на нефти* есть под *на* (II, стр. 359), нет под *газ, нефть*; *маневр на окружение* — есть под *на*, нет под *маневр*; *с годами* (IV, стр. 281, п. 3) — нет под *год*; *с отъездом* (IV, стр. 281, п. 2) — нет под *отъезд*; у *тиф* (V, стр. 49) есть «*zastar. умереть т-ом*», но нет совр. *от тифа*; у *от* есть *от рака*, но нет под *рак* (III, стр. 106). Следует, впрочем, отметить, что есть и много случаев, когда предложные сочетания разработаны по существительному. Таковы, например, статьи *неделя, ночь, обед, час* — в темпоральном плане; *мельница, окно, дорога* — в пространственном; *опыт, радость, счастье* — с предложными сочетаниями образа действия; *цена, учет* — с поствербальными предложными сочетаниями, и многие другие, но не везде это так.

В отношении сложных предлогов в БРСС представлено четыре решения: 1) предложные сочетания помещены в статье соответствующего существительного, например, в статье *сопровождение* (IV, стр. 608 — *в с-ии кого-чего*); 2) предложное сочетание помещено за знаком ромб, например, в статье *линия* (II, стр. 204—205 — под 10-м значением *по линии чего-л.*); 3) предложные сочетания помещены во фразеологии, например, в статье *счет* (IV, стр. 779—780 — *в счет чего, за счет чего*); 4) сложный предлог или предложное сочетание помещено в статьях и существительного, и предлога: например, *по части чего* находим в статье *часть* (V, стр. 593, в 6-м значении) и статье предлога *по* (III, стр. 265, в 26-м значении).

8. В подаче наречий также наблюдается известная непоследовательность. Так, в предисловии к БРСС подчеркнуто,

что из наречий на -о не даются лишь те, у которых значение полностью отвечает значению производящего прилагательного, однако все же наречия с высокой частотностью приводятся; остальные же наречия (т. е. не на -о) приводятся (I, стр. XX). Такая установка представляется тем более важной, что из толковых русских словарей только ССРЛЯ уделит наречию должное внимание. К сожалению, это обещание относительно наречий остается в некоторых отношениях невыполненным или выполненным непоследовательно. Особенно это заметно для наречий на -е: в БРСС есть *зайскивающее* (I, стр. 268), *небóже* (II, стр. 534), *невéче* (III, стр. 41), *тягуче* (V, стр. 155), *угрожающе* (V, стр. 210) и др., но нет, например, *могуче*, *убаюкивающее*, *угнетающе*, *уничтожающе*, *утождающе*, и т. п. Из наречий на -и есть, скажем, *всячески* (I, стр. 260), *дружески* (I, стр. 490) и др., но нет *малычически*, *латонически*, *практически*, *приятельски*, *саркастически*, *систематически*, *специфически*, *старчески*, *творчески*, *ученически*, *издевательски*, *фанатически*, *философски*, *философически* и др. По какому признаку производился здесь отбор? Это тем непонятнее, что в распоряжении авторов были соответствующие тома ССРЛЯ с последовательной инвентаризацией всех этих наречий. В то же время вопреки предупреждению о том, что при полном совпадении значений прилагательного и наречия на -о последнее не приводится, в словаре помещены *неважно*, *несвоевременно*, *обдуманно*, *официально* и много других подобных. Для предикативных форм также можно было бы отметить случаи непоследовательной подачи: есть, например, *неблагополучно*, но нет *неблагоразумно*, *неблагородно*; нет *безопасно*, *мерзко*, *невероятно* и др.

9. Для прилагательных с краткими формами эти последние приводятся, конечно, с особенностями ударения; даются также и непродуктивные формы сравнительной степени на -е и -ше. В предисловии (I, стр. XVII) в качестве примера для *добрый* ошибочно указана сравнительная степень *более добрее*.

Субстантивированные прилагательные типа *беглый*, *-ого*, *верховой*, *-ого*, *голодный*, *-ого* разрабатываются как отдельные статьи (омонимы по исходной форме), без отсылки к соответствующим прилагательным, чем нарушается связь с такими сочетаниями, как *беглый каторжник*, *верховой конь*, *голодный человек*.

10. Грамматический аппарат в глагольных статьях хорошо ориентирует в глагольной парадигматике. В соответствии с инструкцией (I, стр. XVIII) для глагола приводятся все формы, образуемые нерегулярно, в том числе и формы деепричастия.¹ Но обнаруживается некоторая непоследовательность для деепричастий на -я от глаголов совершенного вида.

В БРСС представлены, например, формы *зайдя* (I, стр. 568), *найдя* (II, стр. 413), *отнеся* (II, стр. 927), *отойдя* (II, стр. 934), *прийдя* (III, стр. 747), *прислонясь* (III, стр. 799), *сочтя* (IV, стр. 779) и др., но нет: *встретя* и *встретясь* (I, стр. 256), *заметя* (I, стр. 595), *обидясь* (II, стр. 670), *отворотясь* (II, стр. 881): *оскорбясь* (II, стр. 842), *остервенясь* (II, стр. 857), *принеся* (III, стр. 772), *прочтя* (III, стр. 979), *прищуясь* (III, стр. 834), *утомясь* (V, стр. 371) и других, известных из классической литературы. Категория эта закрытая, лексикализованная, и в словаре следовало бы ее поместить целиком.

11. Богато представлена в словаре фразеология, помещаемая за знаком жирная точка с пометой *фраз.*, и устойчивые сложные наименования типа *железная дорога*, помещаемые за знаком ромб. Среди последних выделяются мотивированные, оставляемые при значении, например, в статье *пояс* (III, стр. 636) при первом значении за знаком ромб находим *спасательный п.*, однако при шестом значении *тарифный п.* знаком ромба не отделен — точно так же, как *плечевой п.* и *тазовый п.* при седьмом значении. Вообще же принцип выделения знаком ромб «сложных названий», на которые во введении даны примеры *железная дорога* и *цветная капуста*, в практике БРСС неясен. В статье *обратить* (II, стр. 712) *о. в бегство* приведено за знаком ромб, а в статье *бегство* (I, стр. 51) это выражение дается как простая экзemplификация; в статье *совесть* (IV, стр. 565) за знаком ромб находится предикативное сочетание *совести нет в глазах у кого-л.*; в статье *сон* (IV, стр. 600) за знаком ромб *сквозь сон* (слышать), *со сна*, а *погружаться в с.* и *забыться сном* даны в обычных примерах.

Остается неясным, по какому рабочему принципу авторы словаря производили выделение выражений, помещенных в словаре за жирную точку, с пометой *фраз.*? Например, в статье *что* (V, стр. 643) во *фраз.* значатся: *до чего* (стр. 644), *ни с чем* (стр. 644) — неясно, что во всех таких выражениях фразеологического. Так, в качестве немотивированных приведены во *фраз.* в статье *карта* (II, стр. 31) *карта бита*, *ставить на карту*; в статье *корень* — *пустить корни*, в статье *место* (II, стр. 289) — *на месте убит*, *все на своем месте*; в статье *могила* (II, стр. 317) — *лечь в могилу*, *найти себе могилу*, *на краю могилы*, *сойти в могилу* и т. п.

Что касается размещения фразеологии в соответствии с ее компонентами, то определенного ключа здесь заметить нельзя. Например, фразеологизм *куда глаза глядят* приводится и под *глаз* (I, стр. 354) и под *глядеть* (I, стр. 359); *попасться на глаза* — и под *попасться* (III, стр. 537) и под *глаз* (I, стр. 354); *без меня*

меня женили помещено под я (V, стр. 770) и под женить (I, стр. 519); фразеологизм *чем свет* находится под *чем* (V, стр. 601), а в статье *свет* (IV, стр. 341) он помещен у первого значения за ромбом; подобных примеров можно было бы привести значительно больше.

12. Омонимы в БРСС представлены умеренно. Однако субстантивированные прилагательные и при большой семантической близости к исходному адъективу, — что для словаря существеннее формы, — выделяются как омонимы. Встречаются и терминологические омонимы, что для словаря общего характера вряд ли можно считать оправданным, например: *верховодка*¹ (I, стр. 154) *zool. belica obyčejná* — *верховодка*² *povrchová voda* — *верховодка*³ *pređačka* и др.

13. В БРСС нет цитации и почти нет экзemplификаций в виде развернутых предложений, поэтому в тексте словаря редко встречаются осложнения акцентуационного характера, вызываемые явлениями энклитики и проклитики, которыми в русских толковых словарях, по существу, никакого внимания не уделяется. Эта практика игнорирования названных явлений часто переносится и в словари двуязычные, где ее следует признать существенным недостатком. В БРСС мы сталкиваемся с этим при подаче предлогов, союзов, частиц и несколько реже — в статьях со сложными наименованиями, компонентами которых бывают односложные слова.

В самом деле, как читать, например, в статье *вот* (I, стр. 234) экзemplификации *вот он идет*, *вот и я*? Действительно ли надо читать, как значится: *вот она*? Или, может быть, *вот она*? Этому последнему чтению только и соответствует эквивалент *tu je*, *tu ji tate!* В той же статье неправильно акцентирован пример *и вот приехали гости*; следует и *вот приехали гости*. Как читать в этой же статье выражения: *вот здесь*, *так-то вот*? Фраза *вот жизнь-то моя какая* по своему построению и по расставленным ударениям читается с трудом. Неверно расставлены ударения в статье *или* (I, стр. 723): *так или иначе* вместо правильного *так или иначе*; *тот или другой* вместо *тот или другой*. Как читать фразеологизмы в статье *так* (V, стр. 6): *вот так фунт*, как (бы) не так, как (же) так, так и быть? В статье *это* (V, стр. 761) неверно дается ударение в примерах: *кто э. пришел? куда э. он пошел? вы куда э.?* Во всех этих случаях частица *это* безударна, и ударение несут вопросительные слова. В статье *что* (V, стр. 644) неясны в акцентуационном отношении случаи *хоть бы что*, *хоть ты что* (V, стр. 645), *что ни (на) есть*, *чуть что* — они все даны без ударений; в статье *хоть* (V, стр. 528) неясны *хоть брось* (V, стр. 529), *хоть бы так*, *хоть бы хны* и т. д.

Касается это не только частиц, сою-

зов, местоимений, но и многих иных односложных слов, попадающих в положение проклитик или энклитик. Следовало бы указать ударения для таких оборотов, как *во весь мах* (II, стр. 269), *вот те раз* (IV, стр. 11), *как раз* (там же), *сам не свой* (IV, стр. 290); *он глуп как пень* (III, стр. 46). Неверно указано чтение в статье *он* (II, стр. 799) выражения: *Так вот онб что!* вместо *Так вот оно чтоб!*; также неверно *пусть егб* вместо *пусть его*, неверно *кто егб знает* вместо *кто его знает* и т. д.

В статье *чтоб* и *чтобы* (V, стр. 646) все примеры даются с ударяемым *чтобы*, это же последовательно проводится и по всему словарю вопреки прямому указанию словаря-справочника Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова³, по которому определялись в словаре (как это сказано в предисловии ко II тому) произношение и место ударения. Как раз соответствующие параграфы словаря-справочника должны были бы привлечь внимание к случаям проклитик и энклитик. Отметим, кроме того, большую непоследовательность в освещении переноса ударения на предлог (для предлога *на* приведены только *на голову*, *на ногу*, *на пол*, а таких случаев около тридцати). Вообще отсутствие акцентуационных характеристик у предлогов не позволяет читателю ориентироваться в акцентуации предложных сочетаний. В оправдание можно было бы сослаться на общую аналитическую установку словаря, который нужен для чтения текста, но тогда пришлось бы отказаться от утверждения, что «данный словарь является пособием при изучении и грамматических вопросов» (издат. аннотация).

14. Терминологическая лексика в БРСС представлена богато, хотя в отношении разных областей знания неравномерно. Чаще всего тот или иной термин выделяется в виде отдельных ПЭ, как это имеет место в специальных словарях.

15. Несколько замечаний о различных частных недостатках. У союза *кабы* (II, стр. 3) с пометой I'nd. экзemplификации не соответствуют помете, они стилистически нейтральны. Чаще встречаются и другие несоответствия, объясняемые иногда тем, что пример извлечен из цитаты или фразы толкового словаря без надлежащего текстового окружения и производит стилистически странное впечатление. По цитате из Лермонтова «Как он хорош, а конь — картина» (ССРЛЯ, т. 5, стлб. 834) сделана неудачная экзemplификация *эта лошадь — одна картина* (II, стр. 32, статья *картина*); по цитате из Вяземского (ССРЛЯ, т. 6, стлб. 778) построено неудачное сочетание *пьеса стоит на меже трагедии и комедии* (II,

³ «Русское литературное произношение и ударение». Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, М., 1959, § 169.

стр. 276, статья *межа*); по цитате из Левитова «Не видишь, глупая, какая тут *машина* вина выпита» дано в виде экзemplификации *м. вина*; по цитате из Короленко «Нешто можно экую *машину* денег со пчелы согнать» дано *м. денег* (ср. ССРЛЯ, т. 6, стлб. 721), ср. еще *м. дров*, так что получился целый ряд сочетаний: *машина денег*, *м. дров*, *м. вина* (II, стр. 269, статья *машина*), которые сами по себе производят странное впечатление. Пример на *поді* (III, стр. 342) не совсем удачно сделан по цитате из Островского (ССРЛЯ, т. 10, стлб. 874, п. 4). Во всех таких случаях, особенно для частиц, цитаты с более широким контекстом выглядят убедительнее.

Слова с разными основами помещаются по каждой основе отдельно с отсылками, например, *имени* — *имя*, *шедший* — *идти*. Однако, к *дерево* не приведено отдельно *дерева*, к *судья* — *судей*, к *зуб* — *зубья*, к *сын* — *сыновья*; статью *брус* — *брусья* и отдельную статью *брусья* следовало бы отсылками привести в соответствие. Не приведено слово *уровень*, в связи с чем нет и сложного предложения на *уровне чего*. Для слова *ночь* (II, стр. 637) неправильно указан акцентный тип *f* вместо *f'*. В словаре изредка встречаемся со знаком приблизительного перевода $\cong$, о принципах применения его указания нет: (*пешня* III, стр. 219) $\cong$ *sochor*; *печаль* (III, стр. 216) в поговорке *не было печали*, (*так*) *черти накачали* $\cong$ *čert mi (ti...) to bol džen*. Допущен целый ряд опечаток (см. IV, стр. 246, 292, 369; III, стр. 46; V, стр. 102, 157 и др.).

*

Наши критические замечания о БРСС носят скорее теоретический и собственно лексикографический характер, причем мы старались рассматривать словарь с точки зрения реализации в нем тех положений, которых придерживались авторы при обработке инвентаризированного ими в словаре лексического материала (эта обработка в значительной степени отразила взгляды и дискуссию братиславской лексикографической конференции 1952 г.).

Как известно, характер лексикографической работы — неизбежно длительной и вместе с тем связанной единой установочной концепцией — не позволяет менять подход к решению отдельных вопросов в процессе самой работы в соответствии с изменениями лингвистических теорий.

Суммируя все сказанное о «Большом русско-словацком словаре», нельзя не признать, во-первых, что закончен весьма серьезный лексикографический труд, в типографическом отношении изданный отлично, во-вторых, что создан богатейший источник вполне надежных словацких эквивалентов для чтения и перевода разнообразнейших русских текстов общекультурного, публицистического, политического и общенаучного содержания, и, наконец, что славистика обогатилась новым прекрасным пособием для сопоставительного изучения славянских языков.

Л. В. Копецкий

М. Jurkowski. *Ukraińska terminologia hydrograficzna.* — Wrocław—Warszawa — Kraków—Gdańsk, 1971. 240 стр.; **Г. Я. Яшкін.** *Беларускія геаграфічныя назвы.* — Мінск, 1971. 255 стр.

За последние пятнадцать лет значительно возрос интерес к славянским географическим терминам. Возникнув более века тому назад в России в среде этнографов-географов и лингвистов¹, он

то ослабевал, то вновь укреплялся и получил научную базу и теоретическую направленность к 20-м годам XX в. благодаря трудам двух крупнейших славянских этнографов недавнего прошлого К. Мошинского и И. Цвичи². Но достаточно систематическое и планомерное исследование славянских географических терминов началось, как известно, лишь в 50-е годы с монографии немецкого слависта И. Шютца по сербскохорватским апеллятивам (1957). Затем последовал ряд изысканий по польским (П. Нитше, 1962 и др.), чешским и словацким (дис-

¹ К этому времени относятся работы А. П. Соколова (1845, 1849, 1854), Н. Я. Данилевского (1869), П. А. Лавровского (1870), П. Г. Лебединцева (1879), оставшийся в рукописи словарь А. Кириллова «Географические термины (нарицательные)» (1853) и др.; более подробные библиографические сведения см. в моих тезисах «Из истории собирания и исследования славянской (преимущественно русской) географической терминологии» (в кн.: «История топонимики в СССР», М., 1967, стр. 15) и в кн.: «Словарь русских народных говоров», вып. 1, М.—Л., 1965, стр. 39, 82, 102.

² Об этих трудах и упоминаемых в дальнейшем без библиографических данных см. в моей книге «Славянская географическая терминология», М., 1969 (далее — Тол. СГТ).